

В А Слепцов

Спевка

Слепцов В А

Спевка

Слепцов В.А.
Спевка

Часов в шесть пополудни на квартире у регента собирались певчие. Отерев предварительно сапоги о валявшуюся в сенях рогожку, входили они в переднюю, в которой помещался старый провалившийся диван, шкаф для платья и пузатый комод. По причине нагроможденной мебели и происходившей оттого тесноты одежда сваливалась в кучу на диване и частью на комод. На полу и тут можно было нащупать нечто вроде рогожки, о которую певчие при входе обязаны были шмыгать ногами. В дверях из передней в залу стоял сам регент 1, мужчина среднего роста, лет сорока, с выразительным лицом и стриженными бакенбардами. Он стоял в халате, с трубкой в руках, и наблюдал за тем, чтоб сапоги у всех были достаточно вытерты. В зале, на столе, горела сальная свеча и довольно тускло освещала большую печь в углу, диван, фортепьяно с наваленными на нем нотами, комод красного дерева, несколько стульев и скрипку, висевшую на стене. На другой стене видны были портрет митрополита Филарета, ча-

сы и манишка. В зале было тесно, пахло сырости и жуковым табаком, а когда кто-нибудь кашлял, то и резонансу оказывалось мало. Входя в залу, певчие кланялись, сморкались кто во что горазд и молча садились на стулья. Собирались они не вдруг, а по нескольку человек, и всякий раз, когда в сенях начиналось шмыгание, и сопение, регент спрашивал:

- Ну, все, что ли?

Из темной передней слышался ответ: "Нет еще-с".

- Дишканта и альта, не входите в залу; посидите там, пока ноги высохнут, - говорил регент, встречая вновь прибывшую толпу мальчишек. Дискант и альт остались в передней и сейчас же начали возню. Тенор и бас частью сидели в зале и сооружали самодельные папиросы, частью прохаживались по комнате и вполголоса разговаривали между собой. В то же время, пока собирались певчие, происходила такая сцена. В дверях стояла женщина в куцавейке, с большим платком на голове. Она привела сына, мальчика лет четырнадцати, и просила принять его в число певчих. Регент

ходил по зале, взбивал себе хохол, потом оставившись у двери и отвечал скороговоркой: "Да-да-да", "хорошо-хорошо", "это так" и прочее. Шли переговоры о цене. Регент колебался: принять певчего или нет, и утверждал, что мальчик очень стар. Женщина, видневшаяся в полумраке из передней, слезливо посматривала на регента и покусилась было даже упасть ему в ноги, прося не оставить сына, но регент удержал ее, говоря, что он не бог. Испитой, косоглазый мальчик, с вихрами на макушке, в пестром ситцевом халате и в женских башмаках, стоял у притолки и, время от времени потягивая носом, посматривал исподлобья на дискантов, которые, со своей стороны, пользуясь темнотой, начали уже его задирать, дергая исподтишка за халат.

- Будьте отцом-благодетелем! - умоляла женщина. - Мальчик он смирный и в ноте тверд, а пуще всего, страх знает. У Пал Федотыча, сами изволите знать, тоже и воды принести, и дров наколоть, печку истопить - всё мальчики. Это он может.

- Долго ли он жил у Пал-то Федотыча?

- Год целый жил. Я было его к Калашнико-

ву еще малюточкой по десятому годочку отда-
ла, да Пал-то Федотыч уж очень просил, зачал
меня сбивать: отдай да отдай ко мне! Сманил
от Калашникова, а на конец того, вот те
здравствуй! Голову ему и прошиб.

- Как же так?

- Пьяный, известно. Да уж что и говорить.
Такое-то тиранство, такое... сами извольте
понять. Робенок: где и пошалить, где что; а у
него один разговор: чем ни попало по голове,
особливо как ежели грешным делом запьет.
Опять сейчас с женой поругался - хлоп! В кар-
ты зачал играть, проиграется хлоп! Будьте
ему заместо отца, батюшка, Иван Степаныч!
Отцы вы наши сиротские! Не оставьте! - и
женщина опять было собралась бухнуться в
ноги.

- Полно, полно, - остановил ее регент. - А
вот мы посмотрим, как он знает пение. Вой-
ди сюда! Как тебя звать-то?

- Митрием, - откашливаясь, сказал маль-
чик и, не без робости ступая своими грязны-
ми башмаками, вошел в залу.

Регент сел за фортепьяно.

- Ноты знаешь?

- Знаю.

- Это какая нота?

Мальчик поморщил брови и, поглядев боком на клавиши, сказал: си.

- Врешь, фа. А это какая?

Мальчик подумал-подумал и сказал: до.

- Врешь, си. Ну да все равно. Пой! А-минь.

Мальчик закинул голову кверху и жалобно протянул "аминь".

- Господи поми-луй, - пел регент, аккомпанируя себе на фортепьяно.

- Господи поми-луй, - протянул за ним мальчик.

- А кроме халата, одежды у тебя никакой нет?

- Ни единой ниточки нету: все Пал Федотыч обобрал, - отвечала мать нового певчего, выступая из передней. - За лечение, говорит. Как он это ему голову-то прошиб, Митюшка и захворай; все в кухне лежал и в церкву не ходил. Вот он за это за самое и вычел. Я ему и башмаки свои уж дала.

- Ну, хорошо, хорошо. Так ты вот что, тетка: ты оставь его пока у меня, я посмотрю.

Женщина повалилась в ноги.

- Ладно, ладно. Ну, ступай! Мне теперь некогда. Все, что ли, собрались?

- Все, Иван Степаныч, - отвечали певчие.

- Куликов! Раздайте верую Берюзовского 2!

Женщина ушла, и певчие стали готовиться к пению: откашливаться, поправлять галстуки, подтягивать брюки и прочее.

Один из теноров, исправлявший должность помощника, раздавал ноты.

Мальчики, вызванные из темной передней, не успев кончить там возни, продолжали еще с нотами в руках подставлять ноги одному другому, щипаться и плевать. И, несмотря на то, что регент кричал на них беспрестанно, по всему заметно было, что они его плохо боялись.

- Ну, начинать, начинать, проворней! По местам! - говорил регент. Куликов, прошли вы с дишкантами милосердия двери?

- Прошел-с, - отвечал бледный курчавый тенор. - Только я хотел вам доложить, Иван Степаныч, насчет Петьки; с ним просто смерть. Очень уж полутонит; сил никаких нет. Только других сбивает.

- Петька! долго ли мне с тобой терзаться?

Вот постой! Я с тобой уже справлюсь.

Петька - бойкий, востроглазый дискант, сделал серьезное лицо и стал пристально смотреть в ноты.

- По местам! По местам! - кричал регент, садясь за фортепьяно. - От кого это водкой пахнет? Миротворцев! Это вы? Как же вам не стыдно?

- Это я, Иван Степаныч, ноги натираю; они у меня простужены, так мне знакомый лекарь посоветовал.

- Смотрите, простужены! Должно быть, на похоронах вчера простудили.

- Да-с, на похоронах.

- То-то я вижу; лицо-то у вас измято.

- Нет, ей-богу-с.

- Ну, хорошо, хорошо. Что ж вы, господа! Бас! Разве не знаете? К печке.

Бас угрюмо и нехотя стал у печки.

- А вы, Павел Иваныч? Точно маленький: что говори, что нет.

Павел Иваныч, небритый и мрачный октавистый бас, задумчиво смотрел в потолок.

- Павел Иваныч!

- Чего-с?

- Вам что говорят? А Вы чего-с. Тьфу ты!.. Да где ваше место?

Павел Иванович не двигался с места и так же задумчиво стал смотреть в ноты.

- Иван Степаныч! Петька дерется-с, - жаловался один альт.

- Петька!

- Да я, Иван Степаныч...

- Молчи, покуда я не встал. Ну-с! - регент взял несколько аккордов.

- Слушайте! Начинать всем в ріано: * верую во единого бога отца... Говорим, чтоб всякое слово было слышно; бас ворковать, вот так: Вюрюю ву юдюнаго буга утца... Павел Иванович! куда же вы смотрите?

- Я-с?

---

* Ріано - негромко (ит.).

- Нет, я-с. Для кого же я говорю? Ах, создатель мой! Так вот: начинать в ріано, дишкант, не оттягивать! Слышите? "Им же вся быша" - раскатить! всем рассыпаться врозь!.. раздайся! разлетись! "им же вся быша"... понимаете? Петька! смотри сюда! "И воскресшего в третий день по писанием" с комфортом * .

"И сидящего одесную отца"... Fortissimo ** - Иа-а! Это что значит? Слышите? Слава, могущество, сила... Небо и земля все преклоняется во прах. "Грядущего со славою судити живых и мертвых..." Трубные гласы, гром и молния, треск...

---

* Conforto - с силой (музык. Термин). (Примеч. В.А. Слепцова.)

** Fortissimo - очень громко (ит.).

все разрушается... "Его же царствию не будет конца..." Конец - опять раскатить и сейчас же замри, уничтожься! Изобразить эту... эту, как ее? премудрость, величие, бесконечность. Бас, взять верха! Рассыпья на триста голосов! Тенор, виляй; одна октава гуди!.. Дишкант и альт: тра-ла-ла лала... стой!..

Регент так увлекся изображением того, как надо петь, что вскочил со стула и, вообразив себе, что все это так и было, как он рассказывал, стал уже махать руками и поталкивать под бока теноров, отчего они начали сторониться. Бас равнодушно нюхали табак, а дисканта и альты, закрывши нотами лица, фыркали и щипали друг друга. Наконец пение на-

чалось: все откашлялись, переступили с ноги на ногу, помычали немного и вдруг грянули: "Верую во единого бога отца..." Регент стоял в середине, уставив глаза куда-то вверх, покачивал головой и водил рукой по воздуху.

- Стой! Стой! Не так!

Певчие остановились.

- Что вы как коровы ревете? Бас! Павел Иваныч! Я вам что говорил? Точно с цепи сорвались: Прежде всех вя-ак... Кустодиев! Что же вы-то смотрите? А еще из духовного звания. Разве так можно?

Кустодиев - здоровенный, красноглазый бас, с шершавыми растрепанными волосами, нахмурившись, смотрел в ноты и ничего не отвечал.

- Вот ведь вам что хочешь толкуй - вы всё свое. Стыдитесь! Кажется, не маленькие; пора бы понимать. Ведь у вас свои дети есть. Им еще простительно, - продолжал регент срамить басов, указывая на дискантов.

Кустодиев что-то заворчал.

- Что-с? Ну-с, опять сначала! помните, что я сказал: говорком, баса, не рубить, не рубить! - кричал регент, когда певчие снова на-

чали "верую".

- Павел Иванович, что вы рычите? Кого вы хотите испугать? Митька, не гнуси!

"...бога истинна от бога истинна, рожденна, несотворенна..."

- Legato * оттяни! Брось! Бас, расходись! Павел Иванович, трубой!.. "Им же вся бы-ша-а!.." Что ж вы стали? Ах ты боже мой! Что мне с вами делать? А смотрите же, смотрите сюда! На мне ничего

---

* Legato - связно (ит.).

не написано...- кричал регент, отчаянно тыкая пальцем в ноты.

Певчие уныло смотрели на него; вновь поступивший альт, бессмысленно вытаращив свои косые глаза, пугливо приседал и прятался за других. Регент начинал горячиться. В это время кто-то из дискантов дернул другого за ухо, и вследствие этого между ними сейчас же началась ссора.

- Иван Степаныч! - жаловался один из самых задорных, - с Митькой петть нельзя, он все сопит-с.

- Митька!

- Чего изволите?

- Ты что делаешь?

- Я - ничего-с, - отвечал новый альт.

- Я те дам - ничего. Стань сюда! Ты у меня будешь баловаться. О господи! Вот мука-то! Зачем вы сюда ходите? А? Скажите на милость! Хороводы водить - сели девки на лужок? Ах, боже мой! Петька, сыщи трубку!

Регент опять начал ходить по комнате и взъерошивать себе хохол. Дискант бросились за трубкой и по этому случаю опять устроили драку; остальные певчие разбрелись по комнате.

- Полоумный черт! - ворчал про себя шершавый бас, свертывая из нотной бумаги папиросу. - Право, черт. Что выдумает!..

В углу сели два баса и один тощий, чахоточный тенор.

- Я, братцы мои, - говорил один из басов, - нынче четыре службы отмахал. Вот как! В горле даже саднит. Как драл, то есть ни н что не похоже. У вздвиженья у ранней пел; там отошла к успению: Милость мира еще захватил. Потом позднюю у знаменья да на похоронах апостола читал. К знаменью пресвятыя

богородицы очень уж Кузнецов просил. "Приходи, говорит, беспременно: мы дьякона допекаем; пособи!" ну, и допекли же мы его. То есть так мы этого дьякона разожгли - мое почтение! Он выше, а мы ниже. Он, знаешь ты, старается вончем повыше взять, чтобы евангелие не с октавы начинать, потому голосишко плохонький, а мы как хватим слава тебе, господи целым тоном вниз, он и сел. "Во время о..." - и подавился. С первого слова задохнулся как есть. А Кузнецов, черт, стоит, богу молится, точно не он; так-то усердно поклонны кладет. Я просто чуть не лопнул со смеху. Батюшка гневается... Боже ты мой! Дьякон после евангелия пришел на клирос и говорит: "ну, уж, говорит, дай срок: я тебе механику подведу". А что он ему сделает? Наплевать.

- Что ж батюшка-то смотрит? - спросил चाहоточный тенор.

- А ему что? Он говорит: я, говорит, за этого дьякона никогда заступаться не намерен. Ну, значит, и валяй!

У окна еще одна кучка. Несколько человек обступило одного тенора и спрашивает его о похоронах.

- Ну, что же, весело было?

- Что и говорить.

- Чайных-то много ли дали?

- Что чайных? До чаю ли тут! Купцы сначала всё сидели так, смирно, всё больше про божественное, о смертном часе всё рассуждали, а потом это как набузунились, - бабы-то, знаешь ты, по домам разошлись, - купцы сейчас в трактир; и нас туда же - песни петь. Что тут было! Ах! То есть, я вам скажу, не роди ты мать! Мальчишек даже всех перепоили. Одной посуды что побито страсть! А сирота-то, сирота, что после купца покойника остался, - с горя да в присядку. "Валяй, кричит, барыню! Вот, говорит, когда я праздника дождался!.." Всю ночь курили; "преподобную матисивуху" раз десять заставляли петь. Нынче утром в осьмом часу домой вернулись. Вот мы как!

- Да, брат; это похороны, - не без зависти заметил один бас. - Это не то что как на той неделе мы чиновника венчали. Эдакая подлость! Только успели вокруг налоя 3 обвести, сейчас спать. Скареды-черти! Хоть бы по рюмочке поднесли; даже на чай не дали. Сволочь!

- Как вам не стыдно! - срамил между тем регент одного тенора. - Вы, кажется, не в кабак пришли: не можете себе пуговиц пришить, спереди всегда у вас расходится...

- Ну, по местам! По местам! - снова раздаётся голос регента, кончившего распекание. - Куликов! "Тебе поем". Дишкант, не шуметь!

Певчие опять стали в кучу; регент сел за фортепьяно.

- До-ми-ля. Pianissimo * . Раз!

- Те-бе по-ем, те-бе бла...

- Стойте! сколько раз мне вам повторять? Что вы делаете, а? Что вы делаете? я спрашиваю. Скворцов, что вы делаете?

Скворцов задумался.

---

* Pianissimo - очень тихо (ит.).

- Как что? Пою-с.

- Что вы поете?

- Тебе поем-с.

- А я вам говорю, что вы дрова рубите.

Скворцов улыбнулся.

- Что вам смешно? Смешного ничего нет. А за жалованьем кто первый? Вы. Э-эх, дроворубы! Сколько раз говорено было: тенор, не

рвать! Нежнее, вполслова бери: ве-ве-фо-фем, ве-ве-вла-во-фло-фим... А то: теб-беб поем теб-беб... на чт это похоже? Опять сначала! "Тебе благодарим" - тенор, капни и уничтожься! Альт, журчи ручейком! Дишкант, замирай!

Наконец пошло дело на лад: бас не рубли, дискант замирали, журчали альт, тенор капали и уничтожились, регент аккомпанировал. Вдруг среди пения раздался щелчок по лбу одного из альтов за то, что он сполутонил и плохо журчал; но это нисколько не помешало пению. Альт заморгал только глазами и сейчас же поправился.

- И молимтися, боже наш... - ревели баса, делая свирепые лица.

- Бо-же, на-ха-хаш, бо-жхе нх-а-аш...- выде-львали тенор, закидывая головы кверху и ви-ляя голосом, точно хвостом.

- И-мо-лим-ти-ся бо... - гремел как труба шершавый бас, злобно ворочая белками и как будто собираясь растерзать кого-то.

В это время постучали в дверь; пение опять приостановилось.

- Кто там еще? - закричал регент, недовольный тем, что ему помешали.

Вошел дьячок, плотный, небольшого роста человек лет сорока пяти, в долгополом сюртуке и с бакенбардами, которые шли у него вокруг всего лица, как у обезьян старого света.

- Мое вам почтение, - говорил дьячок, медленно кланяясь.

- А! Василь Иванычу! Прошу покорно садиться. Трубочки не прикажете ли? - говорил вдруг захопотавшийся регент.

- Ничего, не беспокойтесь; у меня сигарки есть. Я вам, кажется, помешал?

- Нет, это мы старое проходили, чтобы не забыть. Садитесь, Василь Иваныч. чайку не угодно ли? Я сейчас велю. Это у меня живо.

Регент отворил немного дверь в спальню, просунул туда свою голову и, прищемив ее дверью, сказал вполголоса своей жене, лежавшей на кровати:

- Василь Иваныч пришел. Сама посуди! Нельзя же.

- Да, ты вот еще двадцать человек назовешь сюда, и пой всех чаем, отвечала она.

- Я не звал; он сам пришел.

- Ну, ну. Ступай уж!

- Так сделай же милость!

- Разговаривай еще!

- Ну, не буду, не буду.

И регент вошел в залу.

- Ну-с, почтеннейший Василь Иваныч. Так как же-с? - сказал регент, садясь подле дьячка.

- А ничего-с. Все слава богу, - отвечал дьячок и кашлянул.

- Так трубочки не угодно?

- Нет-с, благодарю покорно.

- Да, да, вы не курите. Цигарок-то у меня нет. Ах ты, досада! Как здоровье супруги вашей? Деточки как?

- Слава богу.

- Ну и слава богу. Батюшка как, в своем здоровье?

- Батюшка-то? Да уж они обыкновенно...

- Нездоровы?

- Вот этим местом жалуются, почему что как служба очень затруднительна, ну и опять лета.

- Так, так; лета не молоденькие. Да, жалко, жалко.

Регент и гость замолчали.

- Да не прикажете ли водочки? - неожиданно спросил регент.

- Что ж? Нет-с, благодарю покорно.
- Ну как угодно. А то послать?
- Зачем же-с... хм, беспокоиться?
- Что за беспокойство? Так я пошлю.

Дьячок откашлялся так, как будто в горло ему попала крошка, и стал внимательно осматривать потолок.

- Фекла! - нерешительно закричал регент. Ответа не было.

Несколько минут продолжалось томительное молчание. Тенор и бас осторожно усаживались по стенке, в спальне сердито трещала кровать; мальчишки шептались в передней. регент смотрел на дверь, но, видя, что кухарка нейдет, сказал про себя: "Что ж это она?" - и пошел в спальню. Там опять начался разговор вполголоса.

- Да ты пойми! - говорил регент своей жене, стараясь растолковать ей необходимость послать за водкой.

- Нечего понимать. Я знаю, ты рад со всяким пьянствовать. Что ты из меня дурочку-то строишь?

- Тише! Да где же я строю? Ты пойми, что моя репутация от этого может пострадать.

- От водки-то? Как не пострадать. Ступай, ступай!

- Ну, Машенька; ну будь же рассудительна!..

В то же время в зале дьячок покровительственным тоном и отчасти в нос говорил певчим, ни к кому в особенности не обращаясь:

- А что, погляжу я, нынче куды как стали петь мудрено. Иной раз этто слушаешь, слушаешь: что ж это, мол, господи! Неужели ж это церковное пение? оказия!

Певчие внимательно молчали.

- Ну, как же тепериче у вас этот партец 4... - начал дьячок.

- Что это вы, Василь Иваныч, изволите объяснять? - перебил его вошедший регент.

- А вот с господами певчими про партесное пение разговорились. Мудрен что-то, говорю я им. Никак не пойму, что за дела за такие.

- Да, да; я знаю, вы не жалуете новой музыки.

- Нет, ведь что же... И в наше время, бывало, какие концерт певали в семинарии: Дивен бог во дворе святем его или этот опять: возведох. Знатные концерт! Бывало, это те-

нор: голосом-то заведет, заведет... Ах, пропади ты совсем! У нас преосвященный любил пение, знаток был этого дела. Бывало, певчие хоть на голове ходи, а уж в церкви у него держись. Публика, бывало, барынь что вся губерния съезжалась слушать. Народ все чистый; мужичья этого нет. Октава была такая, я вам скажу, дубина совершенная, грамоте даже плохо знал, а голосище имел здоровый; бывало, как хватит: "взбранной воеводе" боже ты мой! Барыня одна, полковница, так и присядет, бывало. Эдакий голос был! За голос, собственно, и в дьякон вышел. Или опять многолетие возглашать. Которые барыни слабость за собой знали, всегда в это время на двор выходили, потому никак невозможно стерпеть. Так тебя и огреет, словно вот поленом по голове; другие дишкант, особливо с непривычки, - глохли. Это пение, и действительно. А то что это такое? послушаешь: тили-тили, а все толку нет. Нищего через каменный мост тянут, прости господи.

- Оно вот видите ли, Василь Иваныч, - возразил ему регент. - Пение-то, ведь оно, как бы вам сказать? Теперь хоть бы взять киевский

напев, или там симоновский, что ли. Как его понять? Нет, вы не говорите! Тут надо большой ум иметь. Например, сартиевская штучка 5. Что это такое?

- Это я все довольно хорошо понимаю, - сказал дьячок.

- Нет, позвольте! Я говорю, возьмем, ну, хоть "тебе бога хвалим". На что лучше? Победная песнь, мелодия, слезы умиления исторгает. А между тем я сейчас этот божественный гимн под мазурку сведу. Вот слушайте! "Тебе бога хва-га-лим, тебе господа испов-вге-ду-гу-ем..." Видите? А теперь я так спою: "Теб-беб богга хваль-лим, теб-беб ггосподда исповедуем..." Разница? Вот таким-то манером, я и говорю... Фекла! Что ж это она запропала?

- Несу.

В дверях показалась кухарка с подносом, на котором стоял графин и тарелка с огурцами.

- А-а! Ну-ка, давай-ка его сюда! Василь Иванович, с наступающим!

- Сами-то вы что же?

- Кушайте! Кушайте! Вы гости.

- По закону, хозяину прежде пить, - ломался дьячок.

- Нет, уж вы кушайте! Я еще успею.

- Н-ну, делать нечего.

Дьячок выпил, сделал фа и, понюхав кусочек хлеба, закусил огурцом.

- Да; ну, так вот насчет пения-то... - начал опять регент, наливая себе водки. - Тут, я вам скажу, Василь Иваныч, ничего понять нельзя. Что ж по другой-то?

- Нда, оно точно... Да не много ли будет?

- Помилуйте, Василь Иваныч!

- Да кушайте сами!

И опять пошли те же церемонии.

- Ваше здоровье!

- Будьте здоровы!

Дьячок выпил еще рюмку и задумался, глядя на огурец. Певчие между тем стали, видимо, тосковать. Шершавый бас угрюмо смотрел на графин и время от времени сплевывал в угол, да и других тоже одолевала слюна. Тенора, чтобы уйти от соблазна, занялись было разговором, но беседа тоже как-то плохо клеилась.

- Куликов! - начинал один из них.

- Ну, что?

- Обедня-то завтра в котором часу?

- А почему знаю. А тебе на что?

- Да так.

Другой тенор говорил своему соседу:

- Вы, Матвей Иванович, когда будете ноты писать, не забудьте диезы покрупнее ставить, а то я их все путаю.

- Хорошо.

- Домой приду - сейчас спать завалюсь, - утешая себя, рассуждал один бас и зевал в кулак.

В передней мальчишки устроили впотьмах какую-то игру.

Регент после третьей рюмки раскис и лез к дьячку целоваться.

Однако водка стала подходить к концу; осталось только две рюмки. Регент, держась одной рукой за стол и привязываясь к дьячку, старался другой рукой снять со свечи, но не мог. У дьячка же разыгралось самолюбие, и он ничего не хотел слушать.

- Василь Иванович! Василь Иванович! - восклицал регент наморщивая брови.

- Не стану, - отвечал разобиженный дья-

чок.

- Так-то, брат Василь Иваныч! Хорошо же. Ну, хорошо. Ты это помни! я тебе припомню, все, все припомню, - говорил регент, стращая чем-то дьячка. но, видя, что угрозой его не проймешь, пустился в нежности. Это подействовало - дьячок выпил.

- Ну вот. Ай да Василь Иваныч! Поцелуй меня, голубчик! Мм, душка! Ведь мы, брат с тобой... псалмопевцы. Так, что ли? А? - говорил регент, ударяя дьячка наотмашь в грудь. - Я, брат, тоже, я тебе скажу, не лыком шит. Ты не гляди на меня, что я так... У меня, брат, жена-то, кто она? Статского советника дочь. Понимаешь?

- Как не понять? Что ж, это не синтаксис, понять нетрудно.

- Ах, женщина, я тебе скажу, - ангел. Не стою я ее, сам чувствую, что не стою. Пятнадцать лет в офицерском чине состою и медаль у себя имею, ну, однако, все-таки мизинца ее не стою.

В спальне послышалось легкое ворчание.

- Вот, слышишь? Не нравится. Не нравится, что при людях хвалю. Скромна. То есть как

скромна, я тебе скажу, ни на что не похоже. Поверишь ли? Иной раз с глазу на глаз... Известно, что между мужем и женой происходит...

Ворчание в спальне усиливается.

- Иван Степаныч, барыня гневаются, - сказала вдруг вошедшая кухарка.

- Тс! Смирно! Не буду! - шепотом заговорил струсивший регент. Виноват! Оскорбил! Виноват!..

Дьячок стал собираться домой.

- Василь Иваныч! Куда ж ты? Да ты слушай, душа! - регент отвел его в угол.

- Что слушать? Слушать-то нечего.

- Пойми! За другим пошлю. Сейчас мальчик живым манером сбегает. Тайно, понимаешь? Тайно. Беспокорства никакого. На свои. Вот они брат. - Регент вынул из жилетного кармана рублевую бумажку. - Ты только слушайся меня! Мы, брат, на законном основании... Понял?

Дьячок кивнул головой и положил картуз. Регент ударил его по плечу и плутовски подморгнул.

- Петя! - шептал он в передней, расталки-

вая заснувшего дисканта. Петя, стремись! Во мгновение ока. Понял? В Капернаум 6. Действуй!

Через пять минут регент уже наливал дьячку шестую, и тут только вспомнил о базах и тенорах, потому что они, потеряв терпение, стали попрашиваться домой, не имея более сил выносить такого зрелища.

- Подходите! Подходите! Что вы боитесь? - говорил регент, все еще стараясь не уронить себя в глазах подчиненных. Певчие встрепенулись и один за другим стали подходить к столу. Кустодиев взял рюмку, посмотрел, посмотрел в нее на свет и вдруг, точно вспомнив что-то, разом опрокинул ее себе в рот и закусывать не стал.

- Павел Иванович! А Вы-то что же?

Павел Иванович скромно отказался.

- Отчего ж так?

- Да уж нет-с, Иван Степаныч.

- Полноте! Что вы?

- И-нет, ей-богу-с.

- Ну вот!

- Нет, уж увольте-с. Я зарок дал.

- Давно ли?

- Да уж вот другой месяц.

- Ну, как знаете.

Павел Иванович покраснел и сел на место; остальные певчие стали над ним глумиться. Один из теноров тоже не употреблял, но по другой причине, которую он объяснил регенту на ухо, отведя его в сторону. Регент между тем разошелся и уже не обращал никакого внимания на то, что из спальни слышалось довольно явственно приближение домашней бури. И когда второй полуштоф был раздавлен *, певчие уже свободно ходили по зале и начали так громко разговаривать, что разговор этот сильно походил на брань. В комнате становилось душно; свеча

---

* Техническое выражение (примеч. В.А. Слепцова).

ча нагорела, дым от дьячковой сигары ел глаза. Регент, придерживая дьячка за сюртучную пуговицу, ни к селу ни к городу пояснял ему в десятый раз, что жена его ангел и что не будь ее, он бы совсем погиб. Потом разговор необыкновенно быстро свернули опять на пение, причем дьячок уже стал утвер-

ждать, что cis-dur и же-моль в сущности одно и то же *, что вся штука в воздыхании, и наконец положительно доказал, что всех этих композиторов давно пора бы гнать по шеям. Несмотря на это, регент еще сходил в переднюю, опять растолкал Петьку и послал его за третьим полуштофом.

---

* Cis-dur и же-моль (вернее: ге-моль) отнюдь не одно и то же, так как это две различные тональности.

- Нет, ты постой! Ты слушай меня, что я тебе буду говорить! - кричал регент, дергая дьячка за сюртук.

- Все это пустые слова.

- Нет, я тебе докажу, - кричал регент. - погоди! Где тут у меня ноты были? А вот за закуской-то и забыл послать.

- Фекла!

В дверях показалось недовольное лицо кухарки.

- Фекла! - строгим голосом говорил регент, стараясь в то же время не шататься. - Ступай принеси огурцов!

- Барыня не велит.

- Так ты не пойдешь?

- Не пойду!

- Вот и выходишь за это свинья. А я сам пойду.

- Ну, ступайте! Вот она вас, барыня-то.

Однако, подумав немного и сообразив, регент не пошел, а закричал только:

- Пошла вон! У! Ябедница!

Кухарка ушла. Принесли третий полуштоф. Бас и тенор опять стали подходить к графину.

Вдруг совершенно неожиданно регент сел за фортепьяно, взял несколько аккордов и крикнул: "По местам". Из передней явились заспанные мальчишки, весь хор стал в кучу.

Солнце на закате,

Время на утрате,

грянул регент, отчаянно барабаня по клавишам.

Сели девки на лужок,

Где муравка и цветок, - подхватил хор.

- Сарафан мой синий, - мычал пьяный дьячок, болтая под столом ногами.

- Действуй на законном основании! - покрикивал регент.

- Бас, не робей! Расходись, расходись!

Часу в одиннадцатом дьячок искал в передней свои галоши, но долго не мог их найти; наконец попал ногой в чей-то валявшийся на полу картуз и ушел домой.

Примечания

Впервые напечатан в журнале "Отечественные записки" (1862, № 9) с цензурными сокращениями.

1 Регент - руководитель церковного хора.

2 Берюзовский (Березовский) Максим Созонтович (1745 - 1777) композитор, создатель нового типа хорового концерта, автор многих произведений для церковного хора.

3 Налой (аналой) - высокий столик с покатой крышкой, на который во время богослужения кладут иконы и церковные книги.

4 Партец (или партес) - многоголосое хоровое пение.

5 Сартиевская штучка - концерт для церковного хора итальянского композитора Джузеппе Сарти (1729 - 1802).

6 Капернаум - город в древней Галилее, где, по преданию, Иисус Христос превращал воду в вино. В семинарском быту - "кабак".
